

Глава 24. Одиночество

На следующее утро Ань Цзыянь едва успел подняться с постели, как в поместье принца-регента пожаловали дорогие гости. Дедушка Фэн Люнянь приехал навестить внука вместе со своим спутником жизни Лан Кэ и младшим сыном Лан Сычжоу. Цзыяню, разумеется, пришлось вновь во всех подробностях рассказывать о полутора годах, проведённых на горе Небесного Духа. Родные слушали его затаив дыхание, то и дело дивясь чудесам, которые ему довелось повидать.

К вечеру в поместье накрыли праздничные столы. Пиршество устроили скромное, без лишней роскоши — обошлись лишь несколькими особыми домашними блюдами. В последнее время радостные вести в Поместье принца-регента шли одна за другой: сперва долгожданное возвращение Цзыяня в родные края, теперь — редкая возможность собраться всей семьёй за ужином. И пускай обычно в их доме во время еды полагалось благообразно молчать, в такой вечер строгие правила отступили. Родные ужинали, оживлённо переговариваясь и смеясь, так что в трапезной стало шумно и весело.

— Как вспомню день, когда Цзыянь уезжал, кажется, будто это было вчера, — со вздохом промолвил Фэн Бэйцэ. — Я думал, он покидает нас на долгие годы, а он вернулся всего через полтора.

Ань Цзыпин, как раз ухаживавший за своей молодой супругой, госпожой Лю, и подкладываявший ей в тарелку лучшие кусочки, услышал слова папы и тут же вмешался:

— Брат, я тебе вот что скажу! Как только ты уехал, папа только о тебе и твердил. Каждые два-три дня доставал твои старые письма и перечитывал. Представь себе, даже когда отец уходил в поход на север, папа так не тосковал!

Слушая брата, Ань Цзыянь перевёл мягкий взгляд с Цзыпина на расчувствовавшегося папу. Он поднялся, держа в руке пиалу с чаем.

— Папа, я заставил вас так сильно тревожиться. Позвольте выразить моё почтение. Крепкого вина мне пить не дозволено, так что примите эту пиалу чая.

Фэн Бэйцэ тоже встал и с улыбкой ответил:

— Ты — моё дитя, как же мне не тревожиться? Мы с твоим отцом и братом глаза проглядели, так ждали твоего возвращения. Ну а теперь всё позади. Наша семья снова вместе, и это великая радость.

С этими словами Фэн Бэйцэ осушил свою чарку до дна.

Фэн Бэйцэ хмелел быстро. Он уже выпил несколько чарок, и теперь его щёки залил яркий

румянец. Сидевший рядом Ань Шаоцинь заворожённо смотрел на супруга. Регент давно мечтал увидеть своего ненаглядного хмельным, чтобы дать волю чувствам, однако Бэйцэ обычно капли в рот не брал. Даже на дворцовых пирах или домашних трапезах он лишь пригубливал вино для приличия. Сегодняшний же вечер обещал стать особенным.

— Бэйцэ, ты, кажется, захмелел, — негромко проговорил Ань Шаоцинь, в чьей голове уже зрел коварный замысел.

Регент полагал, что некоторые вещи приятнее всего совершать в тот зыбкий миг, когда разум затуманен сладким вином. В их брачной постели Бэйцэ всегда отличался излишней скромностью и никак не мог расслабиться. Шаоцинь, впрочем, пылинки сдувал со своего сокровища и оберегал его пуще зеницы ока. Стоило регенту хоть раз высказать малейшее недовольство, как его тут же ждала суровая кара. Однажды после бурной ночи Шаоцинь имел глупость в шутку попенять супругу на излишнюю зажатость, за что Бэйцэ безжалостно выставил его спать в гостевые покои на целую неделю. Те семь дней стали самыми мучительными в жизни регента. Да, во время военных походов на север разлука тоже давалась нелегко, но видеть любимого человека каждый день, чувствовать его дыхание и не иметь возможности прикоснуться — это было во сто крат хуже.

— Хочешь, я провожу тебя в спальню? Тебе нужно отдохнуть, — добавил Шаоцинь.

— Я не пьян! — с неожиданным упрямством возразил Фэн Бэйцэ. — Мы так редко собираемся вместе, с чего бы мне пьянеть? Это ты, верно, хмельной, а не я!

Как известно, пьяные никогда не признают своей слабости. Услышав этот сонный, капризный тон, Шаоцинь лишь ласково улыбнулся и легонько похлопал супруга по спине, точно баюкая ребёнка.

— Хорошо-хорошо, ты трезв, а хмель вскружил голову мне, — покладисто согласился регент.

Глядя, как супруги препираются друг с другом, гости лишь понимающе переглядывались и молча улыбались.

— Вот именно, ты и пьян! — подтвердил Бэйцэ. Затем он повернулся к старшим родственникам, поднимая чарку: — Папа, отец, позвольте поднести вам вина. Вы проделали такой долгий путь до Столицы, перенесли столько тягот... И тебе, Сычжоу, тоже моё почтение!

С этими словами Фэн Бэйцэ опрокинул в себя ещё одну чарку.

За столом повисло секундное молчание. Никому прежде не доводилось видеть Фэн Бэйцэ в таком состоянии, поэтому все опешили от его несвойственной хмельной прямооты. Первым опомнился Фэн Люнянь, а следом за ним Лан Кэ и Лан Сычжоу поспешно поднялись, чтобы выпить в ответ.

— Тесть, почтенный Лан Кэ, Сычжоу, я, пожалуй, уведу Бэйцэ в покои, — вежливо обратился к ним Ань Шаоцинъ. — Если позволить ему выпить ещё хоть каплю, он просто уснёт прямо за столом.

Регент торопился: если супруг окончательно провалится в беспробудный сон, весь его коварный план пойдёт прахом!

— Отец-ван, идите, не беспокойтесь, — понимающе закивал Ань Цзыпин. — Мы с братом и Сюэнь присмотрим за гостями.

— Ступай, Шаоцинъ, уведи Бэйцэ, — ласково промолвил Лан Кэ.

В глубине души он по-прежнему чувствовал неловкость перед своим старшим сыном, которого обделил заботой в детстве, и всем сердцем стремился восполнить этот пробел. Жаль только, что их поместье Ясной Луны находилось слишком далеко от Столицы, и видется удавалось нечасто.

— Нас тут развлекут внуки, не переживай, — добавил Лан Кэ.

— Тогда я откланяюсь. Приятной трапезы, — поклонился Ань Шаоцинъ.

Он бережно обхватил пошатывающегося супруга за талию и повёл его во внутренние покои. Не будь вокруг свидетелей, регент без лишних слов подхватил бы своего ненаглядного на руки и унёс бы прочь.

После ухода хозяев за праздничным столом воцарилась тишина. Из старшего поколения остались лишь Фэн Люнянь и Лан Кэ, а из младшего — трое молодых людей и супруга Цзыпина, госпожа Лю. Пока старшие молчали, молодёжь тоже не решалась подавать голоса, блюда приличия. Вскоре старшие прервали молчание и вновь обратились к Ань Цзыяню. Хотя перед ужином они уже успели вдоволь наговориться, полуторагодичное пребывание на Священной горе таило в себе множество загадок, и всем не терпелось узнать больше о чудесах тех мест.

— Цзыянь, неужели у подножия горы Небесного Духа всё устроено столь причудливо? — спросил Лан Кэ.

До этого Ань Цзыянь вкратце описал защитные построения, которые Истинный владыка Сюаньцин раскинул в лесах у входа в монастырь. Лан Кэ, исходивший Поднебесную вдоль и поперёк за долгие годы странствий, слышал о многом. Он знал, что полководцы нередко используют боевые формации вроде «Змеинового строя» или «Построения двух драконов, выходящих из воды», чтобы сбить врага с толку. Но о том, что рассказывал его старший внук, Лан Кэ слышал впервые. О цепных строях он тоже знал, но чтобы сплести воедино основы Пути и шестьдесят четыре гексаграммы Книги Перемен в сто тридцать четыре непрерывных цепных строя... Каким же невообразимым мастерством и духовной силой нужно обладать для

подобного деяния!

— Внук не посмел бы лгать вам, дедушка, — почтительно отозвался Ань Цзыянь. — Я и сам едва не сгинул в тех лабиринтах. К счастью, брат Хуайшэн вместе с наставником вовремя разрушили два ключевых звена, и только тогда я смог выбраться...

Цзыянь во всех красках расписал, как менялись и перестраивались невидимые стены формации на его глазах. Родственники слушали его, затаив дыхание, и тихо ахали от удивления.

— А ещё на горе есть заповедная бамбуковая роща, вход в которую строго заказан, — продолжил юноша, делясь упущенными прежде подробностями. — На первый взгляд ничего особенного в ней нет, разве что бьёт там горячий источник. Только вода в нём совсем не пахнет серой, как обычные ключи, а источает едва уловимый, дивный аромат. Что это за запах, я так и не понял — тайну эту ведаёт, верно, лишь сам Истинный владыка Сюаньцин. Отчего же простым послушникам запрещено туда ходить, для меня так и осталось загадкой.

Слушатели ловили каждое его слово.

— Гора Небесного Духа поистине священна, — задумчиво протянул Лан Кэ. — Неудивительно, что почтенный Сюаньцин приложил столько сил, чтобы отгородить обитель от мирской суеты. Полагаю, стоит кому-то из учеников покинуть гору или оказаться изгнанным из ордена, как старик тут же перестраивает свои ловушки. Иначе людская молва давно бы разнесла секреты проходов по всему свету.

Присутствующие согласно закивали, признавая его правоту.

— И всё же, Цзыянь, скажи нам честно, — вдруг мягко спросил Фэн Люнянь, пристально глядя на внука. — Сердцу твоему мил тот молодой человек, Чоу Хуайшэн?

За время разговора Ань Цзыянь то и дело поминал этого юношу. Стоило прозвучать имени Хуайшэна, как Цзыянь озарялся внутренним светом и лучился радостью. О наставнике Сюаньцине он говорил со сдержанным почтением, но здесь... Ошибиться было невозможно.

Поняв, что его тайные думы раскрыты, Ань Цзыянь густо покраснел и смущённо опустил голову. Ань Цзыпин, редко видевший брата столь робким, тоже смекнул, в чём дело. Казалось бы, человек, который только-только излечился от тяжёлого недуга и воссоединился с родными, должен сиять от счастья. Однако Цзыянь радовался лишь в первый день, а после ходил сам не свой, будто под гнётом тайной печали. Теперь же, глядя на его вспыхнувшие щёки и робкий взгляд, сомневаться не приходилось.

— Тот юноша... знает о твоих чувствах? — спросил дедушка.

Ань Цзыянь едва заметно кивнул.

— И что же он ответил?

— Думаю... я ему не мил, — с тихой, горькой усмешкой вымолвил Цзыянь.

Стоило ему вспомнить испуганное лицо Чоу Хуайшэна в день признания, как сердце заныло. Если им суждено будет встретиться вновь, брат Хуайшэн, верно, бросится прочь, спасаясь бегством.

В трапезной повисло неловкое молчание. Родственники переглянулись, не зная, какими словами утешить юношу. Насильно мил не будешь — Цзыянь и сам прекрасно это понимал, но оттого его сердечная рана не становилась менее болезненной. Оставалось лишь надеяться, что время залечит эту обиду и сотрёт образ возлюбленного из его памяти. Всем было искренне жаль бедного мальчика. Кровь семьи Фэн накладывала на своих носителей особый удел. И пускай в стране Юй союзы между мужчинами не порицались, отыскать того, кто полюбит тебя искренне и безраздельно, было делом нелёгким. Кому-то из их рода суждено было провести век в одиночестве, другие же обретали своё счастье и жили рука об руку до глубокой старости.

— Всё в порядке, не стоит кручиниться, — попытался улыбнуться Цзыянь. — Моя любовь осталась безответной, только и всего.

Он грезил о вечности — ему довольно было и того, что пролетело. Пускай он так и не назвал Чоу Хуайшэна своим, эти полтора года останутся с ним до конца дней, согревая душу воспоминаниями. Жизнь человеческая коротка, пролетит — не заметишь.

— Да и, по правде говоря, он не успел ответить «да» или «нет». Едва признавшись, я испугался собственной смелости и бросился наутёк. Так что его истинных мыслей я не знаю.

Цзыянь вспомнил, как выпалил заветные слова и, не оглядываясь, помчался к карете, приказав стражникам немедленно трогаться с места.

— Не изводи себя понапрасну, — мягко подбодрил его Лан Кэ. — Если в его груди теплится ответное чувство, он непременно отыщет тебя. Скорее всего, парень просто растерялся от неожиданности. Из твоих рассказов я понял, что он человек честный и прямой. Разобравшись в себе, он явится к тебе и скажет всё без утайки, каким бы ни было решение.

Эти слова принесли Ань Цзыяню слабое утешение. Старик Лан Кэ и не подозревал, насколько пророческими окажутся его речи — пройдёт время, и Чоу Хуайшэн действительно разыщет его, но это случится гораздо позже.

Поговорив ещё немного, гости разошлись по своим покоям. Ань Цзыянь вернулся к себе. Остановившись у постели, он тяжело вздохнул. В этом огромном поместье все обрели своё

счастье: у папы был верный супруг, дедушка делил кров с любимым спутником, брат Цыпин души не чаял в госпоже Лю, и даже верные стражи Мо Линь и Чжао Цянь нашли друг друга. Лишь в его покоях царила безмолвная пустота.

«Когда же я встречу своего суженого?»

Ань Цзыянь лёг в холодную постель, вглядываясь в безмолвную темноту, и тихо вздохнул, убаюкиваемый робкой надеждой.

<http://bllate.org/book/18341/1862725>